

Гуляев Павел Степанович

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ БЕЗЫСХОДНОСТЬ?

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы - необходимости современного изобразительного искусства как самовыражения личности художника. Современное искусство рассматривается как зеркало, отражающее окружающую действительность. Определяются границы понятия "современное изобразительное искусство", его замыслы и опасности развития энтропии в художественном творчестве, не имеющем созидательной цели. Рассмотрены принципиально важные выявления критериев свободы в художественном творчестве, значимость и иллюзорность существенных для художника понятий "свободы" и "творчества".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 2. С. 86-88. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 74

Искусствоведение

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы – необходимости современного изобразительного искусства как самовыражения личности художника. Современное искусство рассматривается как зеркало, отражающее окружающую действительность. Определяются границы понятия «современное изобразительное искусство», его замыслы и опасности развития энтропии в художественном творчестве, не имеющем созидательной цели. Рассмотрены принципиально важные выявления критериев свободы в художественном творчестве, значимость и иллюзорность существенных для художника понятий «свободы» и «творчества».

Ключевые слова и фразы: культура; современное изобразительное искусство; художественное творчество; синтез искусств; актуальное искусство.

Гуляев Павел Степанович, к. филос. н.

Московский государственный институт культуры

gulyaevu@mail.ru

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ БЕЗЫСХОДНОСТЬ?

В настоящее время суждения о современном изобразительном искусстве приобретают все более масштабный характер. При этом содержание понятия «современное изобразительное искусство» трактуется произвольно, нередко по наитию, носит предельно отвлеченный смысл. Чаще всего под современным искусством понимается творческая деятельность, которая: а) не связана с художественной традицией, вырабатывавшейся человеком в течение тысячелетий; б) призывает неограниченную свободу творца-художника, ведь речь идет о создании «актуального» искусства; в) нередко применяет художественные способы и материалы, ранее не применявшиеся в традиционном искусстве; г) активно использует различные пиар-технологии и эпатаж для популяризации своих работ и идей. Очевидно, что перечисленные признаки носят преимущественно технологические характеристики и не рассматривают содержание исследуемого понятия по существу. В связи с этим возникает необходимость ряда уточнений.

Само понятие «современное искусство», активно противопоставляемое классическому, традиционному, крайне неудачно. Ведь слово «современное», подобно словам «сегодня», «завтра», «лево», «право» и т.д., относится к так называемым «логическим ловушкам языка», нуждающимся в постоянных пояснениях. Неясно, когда заявленная современность возникла и в какой момент она устареет. Уместно вспомнить изречения русского философа XIX века В. С. Соловьева о необходимости различия актуального и злободневного. По мнению мыслителя, актуальное сохраняет свою значимость в прошлом, настоящем, будущем, а злободневное всегда сиюминутно [3, с. 120-134]. Настоящее искусство сиюминутным (злободневным) быть не может, оно всегда значимо (актуально). Кроме того, неясно, почему к современному изобразительному искусству не могут быть отнесены и современные тенденции классического изобразительного искусства?

Возможна ли в принципе абсолютная, ничем не ограниченная свобода художника? Из общеизвестного определения, данного Б. Спинозой, свобода, в том числе и свобода художника, понимается как познанная необходимость, что означает наличие и добровольное осознание как внешних, так и внутренних ограничений. Следовательно, свобода творчества не может быть чистой, абсолютно независимой [4, с. 384-387]. Эту мысль поддерживал и В. С. Соловьев: «Современный человек сознает себя внутренне свободным, сознает себя выше всякого внешнего... начала, утверждает себя центром всего, а между тем в действительности является только одной бесконечно малой и исчезающей точкой на мировой окружности. Современное сознание признает за человеческой личностью божественные права, но не дает ей ни божественной силы, ни божественного содержания, так как современный человек и в жизни, и в знании допускает лишь ограниченную условную действительность, действительность частных фактов и явлений, и с этой точки зрения сам человек есть только один из тех частных фактов» [3, с. 20]. Очевидно, что все совершающееся творится с необходимостью и по определенным законам. Искусство без созидательной цели, идущее «от обратного», не признающее нравственных основ, несет в себе потенциал энтропии. Этот фактор активно проявляется и распространяется как мощная разрушительная сила, нарастающая в последние годы. Важно понимать, что высказанная художником идея, словно приведенный в движение «шар», ударяясь о другой, заставляет сохранить заданный им информационный посыл. Поэтому весьма необходимо четкое представление художника о заданном направлении мысли.

Рождение художественного замысла новой работы неразрывно связано с творческой свободой автора. Свобода и есть один из видов необходимости, хотя свобода художника в искусстве нередко порождает иллюзию некой «чистой свободы», ничем и никем не ограниченной. Ведь для художника понятия «свобода» и «творчество» во многом неразделимы: творить – значит жить; свобода творчества – единственно возможное существование.

В данном контексте принципиально важно выявление критериев свободы в художественном творчестве. Один из подходов к выявлению таких критериев обозначил немецкий философ Ф. В. Й. Шеллинг, определявший свободу как нравственный выбор на основе различия между добром и злом. Если по какой-то причине творческий процесс не имеет положительного нравственного основания, не направлен на достижение Истины, Добра и Красоты, то он сразу же обретает отрицательное (безнравственное) основание, ведущее к бессилию высокого духовного начала. Как сила всякой лжи состоит в бессилии истины, так и сила зла питается бессилием добра [5, с. 140-147, 267]. Бессилие искусства заключается не столько в потере самой истины,

сколько в бессилии человека делать правильный выбор [6, с. 369-370]. Однако, даже сделав, на первый взгляд, правильный выбор, художник зачастую не утруждается следовать этому выбору до конца, что порождает новые просторы для распространения его заблуждений.

Идея художественного произведения должна не только зримо восприниматься, не только служить средством для осуществления определенного концептуального решения, но в еще большей степени она должна влиять на нравственное, эстетическое, мировоззренческое видение. Воля, разум и чувства имеют большое значение как способы или средства воплощения творческого замысла при осуществлении определенного художественного содержания, но сами по себе они не составляют это содержание [7, с. 203]. Подобную подмену можно часто встретить в современном изобразительном искусстве, в котором вдруг оказывается, что мы чувствуем ради чувства, слушаем, потому что слышим, и в результате видим, потому что смотрим. А как насчет того, что человек должен что-то переживать для того, чтобы чувствовать, а чувствовать для того, чтобы мыслить, мыслить, чтобы духовно совершенствоваться, – разве не это придает всему смысл?

Духовность, на мой взгляд, – основная составляющая любого творческого процесса, будь то живопись или скульптура, поэзия или проза, театральное искусство или кинематография. Почему же духовность, свойственная изобразительному искусству Возрождения, не находит отражение в современном изобразительном искусстве? И почему технический и интеллектуальный прогресс, свойственный этой эпохе, не повлиял отрицательным образом на духовные составляющие возрожденческого искусства? Почему в наш информационный век мы для того, чтобы увидеть, используем только глаза и рассудок? Не оттого ли, что никак не можем определиться в том, какая свобода творчества нам нужна?

И вот, наконец, красивая, возвышенная идея начинает будоражить сознание и зажигать душу художника-творца. В этот момент возникает второй вопрос – о ее воплощении: какими средствами, буквально или формально изображать замысел? Не нужно забывать – художник воспроизводит не сами предметы и явления, а только то, что он в них видит, а настоящий или истинный художник видит характерные черты, которые, пройдя через сознание, обогащаются внутренним духовным миром его создателя, реализуясь в произведении. Задача художника не создать что-то новое в ответ всему сотворенному на земле и вразрез этому, а напротив, – уметь распознать ту истинную красоту природных явлений, которая таится в окружающем мире.

В то же время искусство – обман, иллюзия, сказочный мир, созданный художником. Даже когда он изображает бытовые сцены, он привносит в них свои особенные краски и доселе несуществующие образы. Поэтому воплощаемая художником идея есть призрак, обман, сам автор должен в нее истово верить, иначе его творчество обречено на провал. Только самоотверженно поверив в истинность своего творчества, художник может заставить зрителя погрузиться в его «сказку», его волшебный, не похожий ни на что мир. В данном случае нельзя ни на секунду не верить в свое детище. Именно таким образом художник-творец создает абсолютную идею – прекрасную и незыблемую. Возникая как итог творческих усилий художника, произведения искусства в своем наличном бытии обретают надличностный характер. Восприятие произведения искусства свидетельствует не только об индивидуальном, художественно-образном своеобразии творца, но характеризует и коллективные формы переживания, свойственные его эпохе.

Так, в гегельянской эстетике – красота есть воплощение универсальной и вечной идеи в частных и проходящих явлениях, причем они так и остаются проходящими, исчезают как отдельные волны в потоке материального процесса, лишь на минуту отражая сияние вечной идеи. Но как бы ни был прекрасен иллюзорный мир художника, мы воспринимаем то, что нам предлагают, опираясь на свои органы чувств, на свое представление о нравственности, о добре и зле. Видение художника заключается в его особом «неправильном», в чем-то непонятном восприятии мира. В его художественном замысле существует только одна правда, а все остальное – обман. Именно поэтому очень важно задать себе вопрос о том, насколько правильную показывают нам правду, или же это искренняя трансляция «обмана» [1, с. 105-107].

Посещая выставки, я часто задаюсь вопросом: «Что такое актуальное искусство?». Возможно, это единство содержания и формы в символической трактовке, выражающей актуальную идею неоднозначно, многомысленно и злободневно? Если современное изобразительное искусство принято отождествлять только со стремлением к модернизму, то актуальность этого искусства сомнительна. Можно не следовать слепо неустойчивым и капризным веяниям моды, не использовать новаторство в искусстве, ведь искусство не обязано быть злободневным, оно должно быть актуальным. Иначе же его можно назвать ровно с таким же успехом «сиюминутным» искусством. Искусство существует вне времени. Оно существует теперь, не завтра, не вчера и, конечно же, не может быть почему-то востребовано сегодня и неактуально завтра. В противном случае – это попросту не искусство [2, с. 105-107]. Абсолютно точно, что искусство, которое создается на профессиональном уровне, в настоящем должно оставаться настоящим всегда, потому как способность человека к созиданию в любой сфере выступает как творчество, а именно в творчестве человек раскрывается как художник.

Список литературы

1. **Гончаренко Н. В.** Гений в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991. 432 с.
2. **Гройс Б.** Искусство утопии. М., 2003. 320 с.
3. **Соловьев В. С.** Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Собрание сочинений и писем: в 4-х т. М.: Логос, 1993. Т. 3. С. 13-168.
4. **Спиноза Б.** Собрание сочинений: в 2-х т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
5. **Шеллинг Ф. В. Й.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. 636 с.
6. **Шеллинг Ф. В. Й.** Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
7. **Якимович А. К.** Эпоха сокрушительных творений. М.: Галарт, 2009. 288 с.

FINE ART OF CONTEMPORANEITY: NECESSITY OR DESPAIR?

Gulyaev Pavel Stepanovich, Ph. D. in Philosophy
Moscow State Institute of Culture
gulyaevu@mail.ru

The article is devoted to the study of an actual problem – the need for contemporary fine art as self-expression of the artist's personality. Contemporary art is considered as a mirror reflecting the surrounding reality. The boundaries of the notion "contemporary fine art" are determined, as well as its intentions and danger of entropy development in artistic creative work, which has no constructive purposes. Fundamentally important revelations of freedom criteria in artistic creative work, and importance and illusiveness of the essential for the artist notions "freedom" and "creativity" are considered.

Key words and phrases: culture; contemporary fine art; artistic creativity; synthesis of arts; actual art.

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена проблеме поиска духовных оснований и особенностей русского правосознания в учениях выдающихся представителей славянофильского движения в России. В центре внимания находится соотношение, с одной стороны, морально-этических и религиозных, а с другой стороны, правовых регулятивов в правосознании и русской общественно-правовой жизни. Актуализируется роль правосознания как источника права и общественно-правовых форм в России.

Ключевые слова и фразы: русское правосознание; правовой менталитет; общественное правосознание; славянофильство; правда; справедливость; закон; общественное мнение; соборность.

Гусарова Марина Александровна, к. соц. н., доцент
Российский государственный университет правосудия
Suriman@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЙ РУССКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ СЛАВЯНОФИЛОВ**

В российском общественном сознании сегодня идет активный процесс поиска точек соприкосновения ценностно-нормативных положений, утверждаемых государством в качестве приоритетных, с исторически сложившимися представлениями о праве, законе, справедливости, равенстве. Поэтому обращение к дореволюционному философскому, теоретико-правовому наследию, в котором были предложены оригинальные взгляды на природу права, правового сознания, их значение в вопросах социально-правового устройства и реформирования общества в современных условиях построения гражданского общества и правового государства в России приобретают особую актуальность.

Социально-философские учения XIX в. в России стали «полем битвы» для представителей противоположно направленных течений западников и славянофилов. Появление этого спора было неизбежным и закономерным следствием исторических, политических и правовых событий предшествующих веков. Переплетения сложных геополитических, международно-политических и национальных отношений, в которых участвовала Россия, были стимулом развития русского национального самосознания и, как следствие, правового сознания. В связи с этим осмысление и теоретический поиск наиболее эффективных и адекватных российскому сознанию правовых и политических форм общественного порядка не только не потеряли своей теоретической и практической значимости, но, напротив, должны стать предметом интереса современных ученых и общественных деятелей.

К началу XIX в. Россия уже упрочила свое положение в качестве равноправной европейской державы. Вместе с тем европеизация, захватившая только высшие слои российского общества, привела к духовному «расколу», «разрыву» между дворянством и народом, что не могло не отразиться на правосознании различных социальных групп.

Первыми, кто наиболее ярко и полемично обозначил проблему поиска национальной самоидентичности и самосознания, были представители течения славянофилов, развернувшие на страницах своих работ «битву» с западниками за самобытность и уникальность российского правосознания и исторического пути развития России. Они остро поставили вопрос о возникшей в результате реформаторской деятельности Петра I раздвоенности, конфликте народного правосознания и правосознания интеллигенции.

В социально-философских концепциях славянофилов выдвигались морально-нравственные и религиозные основания правосознания, такие как правда, справедливость, братство во Христе и др. Например, И. В. Киреевский отмечал, что «даже само слово право было у нас неизвестно в западном смысле, но означало только справедливость, правду» [3, с. 355]. Философ писал, что в русском праве и правосознании «внутренняя